

Моей маленькой дочке Ионе.
Однажды твоему старому папочке придется
многое объяснить насчет этих книг.
А также памяти двух из моих любимых писателей:
Джоэла Лейна (1963—2013),
лучшего бирмингемского автора
странных историй,
и Колина Уилсона (1931—2013),
чьи идеи всегда меня так вдохновляли.

ТЬМА БЛИЖЕ, ЧЕМ СВЕТ

*И самое ужасное — силуэт возник у моей постели
и действительно заговорил со мной.*

*Я помню слова, которые он повторил дважды,
прежде чем исчезнуть: «Приди за мной, Дод».*

Журнал «Блэквудс», 1840.

(из письма читателя)

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ОДИН

Сон отступил быстро, и Стефани почти ничего не запомнила, кроме тревожного желания покинуть холодное, серое место; тесное пространство, в котором люди стояли к ней слишком близко. Кто-то из них плакал.

В беспокойные мгновения, тянувшиеся за окончанием сна, пришло облегчение, что от кошмара остался только испуг. Оно мешалось с чувством потери чего-то важного, но неопределимого и неосуществленного. И еще она замерзла. Голова, не укрытая одеялом, заледенела, словно кровать стояла на улице.

Глаза Стефани были открыты. Она лежала на спине и ничего перед собой не видела. Но в темноте

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

слышался голос, приглушенный неумолкающий голос, окружавший ее пробуждавшиеся мысли. Ни одно слово не было достаточно громким или четким, чтобы понять его, но ею владела жуткая уверенность, что бормотание не может быть частью сна, потому что она окончательно проснулась. В голосе не было ни настойчивости, ни особенной выразительности, ни даже эмоций; манера предполагала монотонность, монолог.

Голос шел сбоку, от камина, который она не могла различить в темноте. Даже с выключенным светом ни единый блик не проникал с улицы через плотные занавески.

«Радио? В соседней комнате?»

Хотя чем больше она вслушивалась в голос, тем больше уверялась, что кто-то говорил за противоположной стеной. Но за той стеной ничего не было, потому что дом стоял особняком. Так что, возможно, это в комнате снизу работал телевизор — «Да, не забывай, что они существуют» — и звук поднимался через дымоход.

Когда голос в камине начал всхлипывать, Стефани захотелось сделать то же самое. Это была странная передача, в которой одному человеку дозволялось сначала безостановочно говорить, а потом разрыдаться в эфире.

«Возможно, другая съемщица». Может, она разговаривала сама с собой в соседней комнате, а теперь плачет. Звук неподдельной муки вызвал в голове у Стефани образ женщины, упав-

Адам НЭВИЛЛ. НИКТО НЕ УЙДЕТ ЖИВЫМ

шей на колени рядом с камином и закрывшей лицо руками.

Она не могла пойти и спросить, в чем дело. Стефани корила себя за то, что ее смущает чужое горе, но была середина ее первой ночи в доме, и она не могла собраться с духом, чтобы пойти и предложить помощь незнакомке.

«Но, слава Богу, что это всего лишь соседка. Я уж было подумала...»

Напряжение вернулось в ее тело и разум так быстро и с такой силой, что она втянула в себя воздух, будто ступила в холодную воду. Потому что ни радио, ни телевизор, ни соседка с разбитым сердцем точно не могли быть ответственны за начавшееся под кроватью царпанье.

Она бы с криком вскочила с постели, если бы у нее не появилась новая надежда, что скрежет доносится не из-под деревянных досок в основании кровати, а из-под половиц.

«Мыши!» Здесь точно были мыши; она видела две маленькие картонные ловушки — те, у которых внутри синий шарик отравы, — на площадке второго этажа и в туалете третьего. Вчера утром, когда ей показывали дом, вид ловушек ее ужаснул. Они были еще одним символом уменьшавшихся возможностей, подступающей нищеты — элемента свободы, которую опрометчиво возжелали, не получив еще независимости, или променяли на новую несвободу. Но она уже жила в доме, где водились мыши, и видела

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

такие же ловушки на складе, где работала прошлым летом.

А в первую ночь, в темноте в новой незнакомой комнате чужого дома мышьяная возня, конечно же, будет тревожить и казаться слишком большим переполохом. Когда лежишь одна в постели, звук крошечных когтей усиливается в тишине глубокой ночи, это всем известно. Только в этих обстоятельствах такой шум может походить на целеустремленную деятельность человеческих рук под твоей кроватью.

Мыши воевали с чем-то шуршащим. «Полиэтилен. Наверное. Да, должно быть, полиэтилен». Там, внизу, мог валяться пакет из-под продуктов, и мыши, а может крысы — «Даже не думай об этом» — рвали его или что-то другое под половицами. «Да, так лучше».

Шуршание под кроватью стало громче и яростней, и воображение вновь затопило мысли фантазией, что на самом деле это человеческие руки мнут полиэтилен. Она уже готова была сесть и потянуться к лампе у кровати, при свете которой читала перед сном, довольная тем, что быстро нашла новое жилье, когда внезапно все стало хуже, и ею овладел страх, который был бездумным, который был безумием. Потому что теперь в комнату вторгся новый источник шума.

Рядом с ее кроватью, между двумя подъемными окнами, был столик со стулом. На столике стояли ее неразобранные сумки. И оттуда донесся шо-

Адам НЭВИЛЛ. НИКТО НЕ УЙДЕТ ЖИВЫМ

рох, копошение, будто кто-то рылся в ее рюкзаке. Крашенные доски под ковром скрипели, когда чужак двигался.

За камином рыдала женщина.

Под кроватью пальцы дергали полиэтилен.

Темнота наполнилась звуками.

Стефани ничего не могла разглядеть. Воздух был таким холодным, что ее трясло. Она отчаянно хотела дотянуться до лампы, но от этого заскрипела бы старая кровать. А Стефани не хотела издавать звуков, никаких звуков.

«И что мне делать, если я зажгу свет, а кто-то будет там стоять?»

Дверь в комнату была заперта. Ключ остался в замке. «Может, через окно пролезли?» Сможет она встать с кровати и взяться пальцами за ключ, и повернуть ключ в замке, и открыть дверь, и выйти за порог... прежде, чем это настигнет ее?

«Смогу ли я отбиться? Может, мне закричать?»

У нее не хватало сил на крик, не говоря уже о самозащите. Все внутренности ее холодели от страха столь великого, что она вся была сплошь ужас; Стефани окаменела от волос на голове до пальцев на ногах.

Перед глазами мелькали нежеланные картины: кто-то берет мазки ватными палочками; полицейские в пластиковых плащах собирают волосы с ковра; накрытые простыней носилки заносят в машину «скорой помощи» под взглядом женщины в дверях соседнего дома.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

13

Стефани села и потянулась к прикроватному столику. Кровать заскрипела, как старый деревянный корабль.

Копошение в сумках прекратилось.

Она зашарила по столику. Деревянная поверхность была холодна под ее почти не гнувшимися пальцами. Она нашла прорезиненный провод с выключателем, а потом потеряла, почувствовав, как он ускользнул из пальцев в темноту.

Пол заскрипел под направившимися к ней шагами.

Стефани снова попыталась найти провод, но вместо этого наткнулась на металлический стебель лампы. Когда она отыскала провод, ее беспокойные пальцы судорожно нащупали пластиковый выключатель.

Матрас у нее под ногами продавился; кто-то уселся на кровать.

Стефани была уверена, что в темноте чье-то лицо приближалось к ее собственному.

Она включила лампу и обернулась, чтобы увидеть чужака, сидевшего у нее в ногах.

— Боже, боже, боже, черт, черт, о боже.

ДВА

Стефани сидела в предрассветной тьме, сжимая одеяло у подбородка. Небо за раздвинутыми занавесками стало из черно-синего серым, как макрель.

Адам НЭВИЛЛ. НИКТО НЕ УЙДЕТ ЖИВЫМ

Лампа у кровати была включена. Люстра под потолком тоже. В руке Стефани сжимала телефон, экран которого затуманился от жара ее тесной хватки. Дорожные часы на тумбочке возле кровати тикали, стрелки приближались к шести утра.

Когда она включила лампу, на кровати никто не сидел, и в комнате никого не было. Найдя в себе храбрость заглянуть под кровать, она увидела большие комки сероватой пыли на крашенных половицах, но никакого пакета не нашла. Ключ все еще торчал из замка в запертой двери. Подъемные окна были закрыты и надежно зафиксированы металлическими защелками. Шкаф с облицовкой под грецкий орех занимала только ее одежда. И в том, что ночью кто-то копался в ее сумках, Стефани тоже не могла быть уверена, потому что оставила их расстегнутыми и распахнутыми, когда отправилась в постель.

Царапанье под кроватью, должно быть, унялось, когда зажегся свет, хотя она не могла припомнить точного момента прекращения шума. После того, как она покончила с темнотой, голос в камине тоже утих.

Металлическую решетку и портал камина, выкрашенные толстым слоем черной краски, покрывала пыль. Дымоотвод был шириной всего несколько дюймов. Она повернулась ухом к камину и услышала что-то, звучащее как далекий ветер, и больше ничего.

Стефани внимательнее осмотрела окружающие ее стены. Их не украшали годами, с тех пор, как

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

